

*Фрагмент очерка **Бориса Рывкина** ««Простые советские люди» Второй школы», страницы 178-184 из книги «Судьба и школа» (воспоминания учеников второй школы). Составители: Борис Рывкин, Георгий Сушилини, Сергей Шелов. – М.: 2016. – 296 с.: ил. Ответственный редактор: Сергей Шелов. УДК 37.03, ББК 74.03(2), С89. ISBN 5-86676-197-6.*

АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВИЧ ЛОКШИН

Ложные обвинения в предательстве — тяжелейшее испытание для оклеветанного человека, близких родственников и коллег. Слухи распространяются со скоростью эпидемии, формируют общественное мнение, противостоять напору эмоций удаётся далеко не каждому.

Презумпция невиновности не действует, жертва обязана доказать свою полную непричастность и как можно быстрее. Обычно этого не происходит, подозрения знакомых и незнакомых перерастают в убеждённость, несчастный становится изгоем.

Случай с **Алексеем Филипповичем Макеевым** не уникален. В той же Второй школе учился золотой медалист **Саша Локшин**, выпускник 1968 года. Его отца, одного из крупнейших русских композиторов 20 века **Александра Лазаревича Локшина** (1920–1987), обвиняли в доносах двое давних знакомых, прошедших через лагерь. Это были **Александр Сергеевич Есенин-Вольпин**, известный математик и правозащитник, сын великого поэта, а также **Вера Ивановна Прохорова**, филолог, дочь последнего владельца Трёхгорной мануфактуры.

Основным и едва ли не единственным аргументом против Александра Лазаревича послужила осведомлённость следствия о словах арестованных, сказанных в доверительных беседах наедине с Локшиным. Этот тезис впервые прозвучал в 1953 году, вскоре после освобождения обоих репрессированных, и упорно повторялся много лет спустя, хотя информация о прослушивании частных квартир сотрудниками небезызвестной конторы уже стала всеобщим достоянием.

Власть имущие преследовали Александра Лазаревича и раньше, ещё со студенческих времён. За написанную Локшиным

в 1939 году вокально-симфоническую поэму «Цветы зла» (на стихи французского поэта Шарля Бодлера) его не допустили к сдаче экзаменов, а в 1941 году и вовсе отчислили из Московской государственной консерватории, с пятого курса. Лишь в 1944 году, после успеха второй вокально-симфонической поэмы «Жди меня» (на стихи Константина Симонова), Локшину позволили сдать экзамены и получить диплом (с отличием).

В 1948 году преподавателя Московской консерватории Локшина Александра Лазаревича уволили за пропаганду среди студентов «идейно чуждой» музыки (ныне украшающей любую программу или концерт) Малера, Берга, Стравинского, Шостаковича. Кампания по борьбе с космополитизмом набирала обороты. В 1949 году на пленуме правления Союза советских композиторов первый секретарь **Тихон Хренников** заклеил «Приветственную кантату» Локшина (на стихи поэта Сергея Острового, посвящённые Сталину) эпитетами «холодная, ложная, сумбурная, шумная, беспомощная». Опального маэстро лишили постоянной работы (до конца жизни) и возможности зарубежных выездов для исполнения собственных сочинений. Как выяснилось, это была лишь прелюдия, настоящие неприятности начались с момента появления слухов о «стукачестве».

Сам Локшин с возмущением отвергал несправедливые наветы, однако любые доводы падали в пустоту. В музыкальных кругах безоговорочно поверили заявлениям о непорядочности Александра Лазаревича, ему не подавали руки, игнорировали его произведения. На премьере «Реквиема», первой из одиннадцати локшинских симфоний, великий композитор **Дмитрий Шостакович** оглядел незаполненный Концертный зал имени Чайковского и с горечью спросил: «Неужели на восьмимиллионную Москву не нашлось восьмисот человек, чтобы послушать гениальную музыку Локшина?»

Безжалостные гонения не прекратились и после смерти Александра Лазаревича в 1987 году. Прославленный дирижёр **Геннадий Рождественский** хладнокровно издевался над женой покойного: «Пока вы не докажете мне, что ваш муж невиновен в арестах и не назовёте истинного стукача, я исполнять Локшина не буду».

А ведь до 1980 года он активно пропагандировал сочинения Александра Лазаревича. Но потом узнал об обвинениях в доносе,

и с тех пор будто отрезало. Какой контраст по сравнению с великим дирижёром **Рудольфом Баршаем!** Баршай считал музыку Локшина гениальной и, игнорируя наветы, исполнял его произведения в России и в Европе до последних лет своей долгой жизни!

Замечательный пианист **Святослав Рихтер** запретил художнице **Татьяне Апраксиной** выставлять написанный ею портрет Локшина на московских вернисажах, угрожая в противном случае убрать из зала Ленинградской консерватории другое творение Апраксиной, портрет «Лики Шостаковича» (групповой портрет, включающий несколько лиц композитора. — *Б. Р.*). Конечно, Рихтера ко многому обязывала близкая дружба с Верой Прохоровой, и всё же предпринятые им действия явно выходят за грань допустимого.

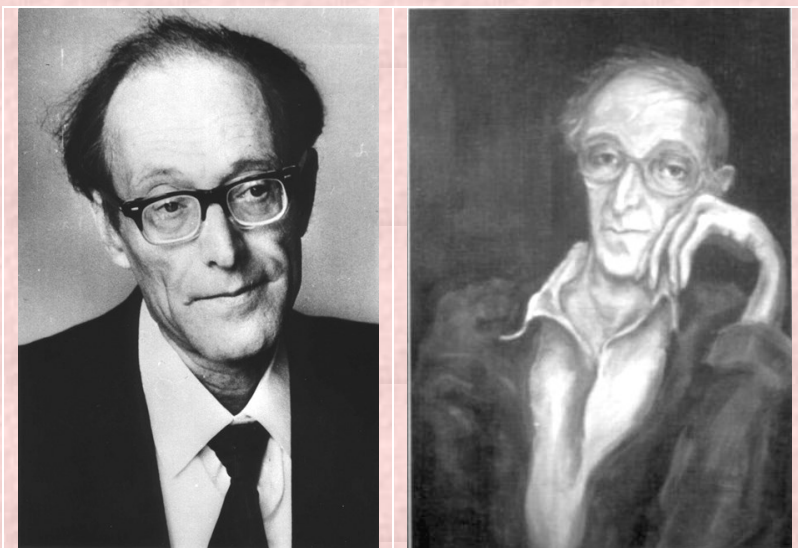
Даже кумир моей юности писатель **Юрий Нагибин** внёс лепту в преследования композитора Локшина. Да, он тоже входил в круг друзей Прохоровой, но для личности такого масштаба, как Нагибин, негоже транслировать на всю страну легенду о предательстве, услышанную с чужих слов.

Едва ли не самым ужасным в этой отвратительной травле стало поведение любимого учителя Саши Локшина, честнейшего **Анатолия Александровича Якобсона**. Пообщавшись всё с той же Прохоровой, близкой подругой его жены, правозащитник воспылал искренней ненавистью к «штатному осведомителю» и вышел на тропу войны. В 1966 году восьмиклассник Локшин переболел энцефалитом, и Якобсон навестил выздоравливающего ученика. Попив чаю и мирно побеседовав с хозяином о стихах Пастернака, перед уходом гость произвёл выстрел в упор: «Привет вам от Александра Сергеевича Есенина-Вольпина и Веры Ивановны Прохоровой». Побледневшим родителям пришлось рассказать недоумевающему сыну тягостную историю давнего оговора.

На этом дело не кончилось. В школе Анатолий Александрович ещё не раз говорил с Сашей, пытаясь преодолеть сыновнюю слепоту и наполнить душу питомца презрением к «гению зла» (так наставник именовал Александра Лазаревича Локшина). Якобсон всерьёз вынашивал планы забрать мальчика из семьи, усыновить и вырастить достойным человеком. Предлагал отправиться за правдой к Есенину-Вольпину и Прохоровой. К счастью

для Саши, встреча с главными обличителями его отца не состоялась. Намеренно разжигая вражду между сыном и родителями, Яacobсон поступал самонадеянно и на редкость жестоко в отношении всех Локшиных, включая и Сашу. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Стремясь помочь ученику, Анатолий Александрович пошёл по неверному пути. Не следовало безоглядно доверяться кривотолкам, да и очередные Павлики Морозовы вряд ли востребованы обществом.

Спустя десятилетия истина восторжествовала. Александр Локшин-младший сумел собрать свидетельства и документы, доказывающие, что органами НКВД была проведена спецоперация по дискредитации его отца с целью прикрытия действующего агента. О многолетней трагедии семейства Локшиных рассказала известная писательница и публицистка Алла Борисовна Боссарт («Сын за отца». Новая газета, 06.03.2003). В статье Википедии, посвящённой композитору Локшину, заслуженному деятелю искусств РСФСР (с 1983 года), дана объективная информация о его творчестве, обвинениях в доносах и посмертной реабилитации. Там же воспроизведён прекрасный портрет Александра Лазаревича Локшина, выполненный Татьяной Апраксиной.

**Композитор Александр Лазаревич Локшин
и его портрет кисти Т. Апраксиной**

Казалось бы, всё стало на свои места. Но нет, привычные предубеждения и стереотипы никуда не делись. Более того, они вышли за пределы музыкального мира. В приложении к первому выпуску «Записок о Второй школе» (2003 год) был приведён фрагмент из книги Александра Локшина-младшего. К сожалению, текст предварял анонимный комментарий, совершенно возмутительный и по тону, и по сути. Позволю себе привести этот комментарий полностью.

«Следующий ниже текст взят нами из книжки: А.А. Локшин. «Гений зла». Москва, 2001, сверхзадача которой состоит в попытке доказать, что отец автора, известный композитор Александр Лазаревич Локшин (1920–1987), не являлся тем человеком, который посадил Веру Ивановну Прохорову и Александра Сергеевича Есенина-Вольпина в 1949–1950 гг., но был ими оклеветан. Силлогизм, использованный при построении доказательства Локшиным-младшим, обучавшимся мыслить во 2-й математической школе для одарённых детей, несомненно, претендует на новое слово в логике: «Мой отец МОГ НЕ БЫТЬ доносчиком; кроме того, мой отец был гениальным композитором; — следовательно, мой отец НЕ БЫЛ доносчиком!» Несмотря на издержки, грубые ошибки и домыслы автора (по большей части, не удостоенные нами комментариев), мы, тем не менее, решаемся поместить здесь воспоминания ученика Второй школы Александра Локшина, руководствуясь простым соображением: его текст, несомненно, добавляет ряд достоверных штрихов к портрету учителя Второй школы Анатолия Александровича Якобсона. Подлинная история посадки В.И. Прохоровой подробно изложена в книге Надежды и Майи Улановских (Майя Улановская, жена Якобсона, была близкой подругой Прохоровой. — *Б. Р.*) «История одной семьи». Санкт-Петербург, ИНАПРЕСС, 2003, с. 241–243» (конец цитаты из «Записок о Второй школе» — *Б. Р.*).

Не пожелавшие назвать себя выпускники Второй школы с необыкновенной лёгкостью отказали в умении логически мыслить Александру Локшину, между прочим доктору физико-математических наук, автору нескольких книг по теории дифференциальных уравнений в частных производных и книги лирических стихов. Его естественное желание обелить имя отца (хотя бы посмертно!) воспринято ими с нескрываемым недоброжела-

тельством и пренебрежением. Для них этот вопрос закрыт раз и навсегда, а любая новая информация не вызывает ничего, кроме раздражения. Стыдно, господа!

Я с большим интересом прочёл в Интернете книги Александра Локшина о злключениях его отца: «Гений зла» и «Музыкант в Зазеркалье», а также статью «Мышеловка». Могу с полной уверенностью сказать, что не обнаружил в приведённых доказательствах ни каких-либо натяжек, ни, тем более, некорректных логических построений. Да, в текстах ощущается внутреннее напряжение автора, и рефреном сквозит горькая мысль: «Как трудно убедить в своей правоте людей, не желающих слушать!» Но злость отсутствует. В приведённом в приложении к первому выпуску «Записок о Второй школе» фрагменте Локшин тепло отзывается о Якобсоне и заканчивает повествование на грустной ноте: «Для меня его гибель была и остаётся настоящим горем — он был, в сущности, единственным человеком, который не только поверил бы мне, когда я стал уже взрослым и разобрался в проблеме, но и счёл бы своим долгом переубедить окружающих. Ведь он был виноват передо мной...»

По словам Александра Локшина, он прочёл этот очерк с интересом и симпатией, однако между строк чувствовалось, как тяжело даётся ему диалог на тему, не отпускаящую его почти всю сознательную жизнь.

Какие выводы можно сделать из этой печальной и, увы, оставшейся незавершённой истории? Конечно, стукачество — вещь подлая и страшная, но ещё страшнее искренние (хотя и безосновательные) обвинения в доносительстве и стукачестве!

Легче всего понять действия Веры Ивановны Прохоровой — эта неординарная женщина умела безоглядно любить и безоглядно ненавидеть. Но как же остальные, интеллигентные, заслуженные и талантливые люди? В едином порыве осудившие оклеветанного композитора и словом, и делом. Почему мы так легко верим в плохое и так неохотно возвращаем пострадавшим доброе имя? Люди! Будьте людьми, не позволяйте себе бездумно повторять обвинения в предательстве, от кого бы они ни исходили!

Александр Лазаревич Локшин и Алексей Филиппович Макеев. Приступая к работе над очерком, мне хотелось напомнить терпеливому читателю о маленьком чуде Второй школы, об учи-

телях и выпускниках, как говорится, хороших и разных. Однако в процессе написания на первый план внезапно выплыл вопрос о нашей извечной готовности принимать на веру любые обвинения, адресованные другим: и обоснованные, и несправедливые. Не утруждаясь проверкой фактов, отречься от людей, к которым ещё вчера относились с уважением и любовью.

Всеобщая радостная восприимчивость к компромату на добропорядочных соотечественников отнюдь не безобидна, чревата нарастанием взаимных подозрений и атмосферой ненависти в обществе. Возможно, я преувеличиваю, но возникает стойкое ощущение, что вековечная отсталость России почти во всех жизненно важных областях непосредственно связана с нехваткой культуры и перехлёстывающей через край человеческой жестокостью. Способ выхода из тупика давно известен: для выздоровления страны срочно требуются тысячи новых «Вторых школ». Будем надеяться!

Борис Михайлович Рывкин – известный шахматный композитор-этюдист, чемпион СССР по шахматной композиции, кандидат в мастера спорта, автор книги воспоминаний «Шахматные миражи», выпускник школы №2 1964 года.